

4.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Журнал научный, литературный
и политический

/Америка в России/

Москва, 1882.

кн. VIII

АМЕРИГА ВЪ РОССІИ *).

Х. Ивано-Сергіевскій заводъ **).

Рельсовый путь изъ Людинова въ Песочное началъ строиться
Мы должны были проѣхать по участку только-что проложен-
ному. Направо и налево еще группировались рабочие, когда нашъ
поѣздъ проходилъ мимо. Эта часть дороги выстроена зимою въ
теченіе двухъ недѣль и уже работаетъ исправно. Весной толь-
ко пришлось поправить кое-гдѣ обмякшую почву да укрѣпить
прокисшія болотины. Теперь мы полземъ по ней, не чувствуя
никакихъ неудобствъ. Движеніе по этому рельсовому пути очень
уже значительно. Болѣе 3.000.000 пудовъ груза провозится
здѣсь, и еслибы не чугуна, то заводы должны были бы остано-
вить свое дѣло. Конная сила мѣстнаго крестьянства давно ока-
залась крайне недостаточной. Несмотря на высокую плату и
давно устроенное, хорошо поддерживаемое, шоссе, лошади отъ
безкормицы падали, да и прежняго ихъ количества было очень
мало. Вообще численность скота у мѣстнаго населенія пони-
лась до минимума. Все, что живетъ заводами, еще не такъ
нуждается; но то, что внѣ ихъ района, существуетъ послѣднее
время по неисповѣдимой благости Провидѣнія. Топки, потрясав-
шіяся сушины не даютъ довольно сѣна. Едва-едва хватаетъ его

* Русская Мысль, кн. IV, вып. 7, 1882 г.

** Авторъ этихъ очерковъ проситъ не смѣшивать заводы и района, опи-
сываемыхъ имъ, съ таковыми же другого, внѣ умершаго, Мальцова, во Влади-
мирской губерніи. Это—двѣ противоположности. Между тѣми и другими нѣтъ
ничего общаго. Я полагаю, что недоумѣніе многихъ читающихъ мои очерки
объясняется исключительно этимъ обстоятельствомъ. Владимирскіе заводы бы-
ли основаны на чисто-эксплуататорскихъ началахъ. Оттуда, сучалось, даже сот-
нями высылался народъ въ ссылку и вообще тамъ практиковались приемы, обык-
новенно вызывающіе такъ-называемые „бушты“ населенія.

Иванов N 1532

на ползимы. Въ остальную половину скотъ объѣдаетъ прогнившую солому съ кровель, молодую хвою, поднявшуюся изъ-подъ снѣга, даже хвосты одинъ у другаго. Страшно посмотрѣть на мужицкихъ коней, выгнанныхъ въ первые весенне дни на старый, засохшій подножный кормъ. Они едва держатся на ногахъ, какъ-то расплзающихся во всѣ стороны. Шерсть кое-гдѣ сбилась войлокомъ, клочьями, въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ вылѣзла, обнаруживая рыжия плѣшины. Головы повисли немощно; кажется, едва-едва хватаетъ силы поднять ихъ.

— У насъ теперь кони такіе, что подпирать ихъ надо съ обѣхъ сторонъ. Точно старый заборъ покосился, — коли не подставить баласыны, рухнетъ.

— Вотъ какъ: голыя вѣтки — и тѣ объѣсть конь. Брюхо-то у его, гляди, выпучено, по землѣ волочитя, потому — деревомъ набито... И колѣютъ же, борони ихъ Богъ, — страсть колѣютъ!

Есть такія деревни по окрестностямъ, гдѣ на девять дворовъ по одному коню осталось. Живетъ ихъ населеніе тѣмъ, что на заводъ получить, если у завода своихъ рукъ мало окажется. Но въ настоящее время иностранный ввозъ убиваетъ русское производство на-повалъ. Всюду поэтому сокращается дѣло; тысячи народа могутъ оказаться ненужными. Сначала откажутъ чужимъ, а потомъ и мѣстныхъ выбросятъ на улицу. Куда дѣнется вся эта бѣднота оголѣвшая?...

— Потому намъ одно остается — ложись посередъ поля на болотину да и помирай!

— А поля?

— Поля у насъ хлѣба не родятъ. Какое тутъ поле!... Царапай землю, поди, сколько хошь, — ничѣмъ она тебя, родимая, не порадуетъ... Около ей, около земли, только даромъ промучаешься. Бываетъ такъ, что и своо зерна назадъ не вернешь. Озябла наша земля-то, насекрось озябла... Тутъ по всей округѣ хлѣбъ-то мы покупаемъ. Заводы насъ только и питаютъ.

— Вы откуда, братцы?

— На заводахъ работали, у нѣмца.

— А теперь?

— Ищемъ, хлѣба бы гдѣ... Насъ съ заводо-то распустили. Иди, куда хошь.

— Что-жь, обвинялъ нѣмецъ, что-ли?

— Чего обвинялъ? Зачѣмъ ему нищать-то... Ёнъ нѣмецъ настоящий. А только отъ начальства такой приказъ былъ... Вишь

ты: чернети много развелось, такъ начальство пугается, какъ бы чего не вышло. Ну, и позакрывало заводы.

И съ какиѣмъ все это говорится спокойствіемъ, точно тарановъ вымораживаютъ.

Такимъ путемъ и въ этомъ районѣ «конская сила» мало-помалу таяла да таяла, такъ что во-время не проведи эту желѣзную дорогу—и нѣсколько заводовъ могло бы остановиться. Нельзя было бы доставлять въ Песочную, въ Ивано-Сергѣевское, въ Людиново миллионы пудовъ руды, также какъ невозможно оказалось бы возить изъ этихъ пунктовъ продукты ихъ производства.

Мрачный, суровый лѣсъ поднялся по обѣимъ сторонамъ дороги. Впереди онъ сдвинулся темною стѣной, позади—тоже, точно пропуская насъ на одну минуту и опять смыкаясь за нами. Солнце бьетъ въ него сверху, но золотые лучи бессильно скользить по вершинамъ столѣтнихъ великановъ... Кое-гдѣ пронизетъ горячая, огнистая, червонная струя темную, холодную рощу, выхватитъ изъ нея бархатную моховую площадку, затлѣетъ подъ живительнымъ пламенемъ зеленая вѣтка захирѣвшей среди сплошныхъ сосенъ березы, затлѣетъ, точно зажигаясь по краямъ. И опять все сурово и гладко, и опять дремучее царство, осиливъ даже солнечный свѣтъ, подергивается холодною тѣнью. Опустивъ свои вѣтви, точно отяжелѣвшія вѣки, спятъ старыя ели... Верста за верстой безъ полянъ, безъ прогалинъ. Свистнетъ неуверенно, робко, испуганно какъ-то случайно залетѣвшая сюда пташка, да и она спѣшитъ поскорѣе выбраться прочь, подальше отъ этого соннаго царства неподвижныхъ вершинъ, прямыхъ, какъ колонны, стволовъ и бархатныхъ моховыхъ понизей...

— Птица не любитъ этого лѣса!—въ одно время со мною сосѣдъ наталкивается на ту же мысль.

— Почему?

— А вишь какъ онъ насупился, да молчитъ. Птицѣ воздухъ да солнце нужны. Ей чтобы небо было видно, чтобы цвѣтики алые улыбались... А тутъ совсѣмъ другое. Въ кладбищенскихъ церквяхъ бываетъ такъ-то: торжественно и печально въ одно и то же время.

Сравненіе дѣйствительно вѣрное. Торжественно и печально стоитъ этотъ молчаливѣе въ своей темнозеленой схимѣ... Думаетъ какую-то вѣчную думу и чудится намъ, что дума эта не отъ міра сего, что за тысячи лѣтъ назадъ или за тысячи лѣтъ впередъ унесся пустынный своею «нездѣшней» мыслью. Даже

отъ сол та заслонился этотъ аскетъ, потому что солище жизнь лю-
бятъ и къ жизни зоветь, а этотъ траурный дѣсъ безмолвно гово-
рять душѣ о вѣчномъ молчаніи и безнадежномъ покоѣ смерти!...

— Вы на то обратите вниманіе, что этотъ дѣсъ прямо у
завода остался! — замѣчаетъ мнѣ спутникъ мой въ сѣромъ ар-
мякѣ, управляющій однимъ изъ большихъ хуторовъ. — Не съѣлъ
его заводъ.

Какой заводъ съѣсть его! Напротивъ, кажется, вотъ-вотъ
надвинется эта полная сумрака и прохлады масса и задавить
подъ собою суетой и трудомъ кипящее Людиново.

— Какъ вамъ нравятся наши дѣса? — обращаюсь я къ фран-
цузу Гюльтеру.

— Дѣса?... Да... Нѣтъ, какіе въ Людиновѣ чугунные горшки
дѣлаютъ!...

— Что такое? — не понялъ я.

— Какіе, говорю, чудесные горшки въ Людиновѣ. Тонкіе
какъ воздухъ. Кажется, насквозь видно!

✓ Вотъ и толкуйте послѣ того съ специалистами-техниками.
Дремучее царство кругомъ, на всякую живую душу дѣйствуетъ
оно своею мощью, а тутъ человѣкъ изъ-за горшка ничего вокругъ
себя не видитъ. И, вѣдь, какъ дѣло до горшка дойдетъ, такъ
онъ потомъ становится.

— Вы знаете, когда онъ раскалился, этотъ горшокъ, — такъ
точно лепестокъ розы: тонкій, алый весь, съвозной...

Я даже плюнулъ. Вода бѣжитъ по сторонамъ рельсоваго пу-
ти, сама указывая ватерпасъ и мало-по-малу подтачивая почву.

— Вѣдь, она смочетъ полотно.

— Мы же, вѣдь, по неоконченной дорогѣ ѣдемъ. Она всего
двѣ недѣли строилась. Теперь начнемъ дѣлать отводные каналы.
Все болва. Она въ этомъ году страшно разлилась и сюда въ
дѣсъ по пути заглянула. Ну, и смыла кое-гдѣ.

Буреломъ по сторонамъ. Вѣковыя деревья вырваны съ мясомъ,
т. е. съ корнями. Засыпанныя землей, торчатъ они вверхъ...
Кое-гдѣ на нихъ по землѣ даже трава поползла, точно хочетъ
своимъ зеленымъ ковромъ прикрыть это безобразіе. На мѣстѣ
сломаныхъ бурей великановъ молодятникъ поднялся, но слабый
и чахлый, какъ золотушное, больное, блѣднолицее, слабое поко-
лѣніе дѣтей, толпящихся вокругъ рослыхъ и сильныхъ стари-
ковъ, точно взявшихъ себѣ все жизненные соки и ничего не
оставившихъ на долю другихъ.

— И на тебя сила есть!—смотреть въ лѣсъ мой спутникъ.

— Что?

— А я, вотъ, объ этомъ царствѣ нашемъ сосновомъ говорю. И на него сила есть,—ишь повыврало. Точно дерево это, какъ башня вавилонская, до неба дорости хотѣла, Божьему солнцу дороги не давало, гордынею превозносилось... Его гроза и смирила. Лежитъ теперь мертвый великанъ, разбросавъ по сторонамъ свои голыя руки... Гдѣ вѣтви, гдѣ корни—не р. зобрать... Все перепуталось до-нельзя!

Лихины желѣзнодорожныхъ рабочихъ муравьиными кучами кажутся у этихъ деревьевъ. Внутри лѣса стальнымъ блескомъ, точно налитые чернилами, мерещутся четырехугольники выемокъ, откуда брали землю для желѣзной дороги. Они сплошь нанюжились водою. Въ этихъ мрачныхъ прибрежкахъ, въ вѣчной тѣни—тишина и спокойствіе. Даже дичь, которой по-душ. сырыя мѣста, не летитъ сюда...

— Желѣзная дорога не смыта, какъ видите, не дала посадки. На большихъ желѣзныхъ дорогахъ сразу-то ѣздить нельзя. А тутъ—сколько угодно.

Вотъ вамъ еще одно изъ преимуществъ этого рельсоваго типа.

Тишина кругомъ подъ конецъ давить начала.

Точно въ склепъ заперли насъ. Только Гюитьеръ какія-то цифры выкладываетъ въ своей записной книжкѣ. Математическій утъ этого техника только и понимаетъ поэзію чиселъ. Его природой не удивишь. Онъ понимаетъ ее только какъ матеріалъ для производства. Вѣчной красоты ея не замѣтитъ ему. Она не говоритъ его сердцу. Какой-нибудь паровой молотъ столь же поддавался бы очарованію окружающаго насъ лѣса, сколько и этотъ специалистъ, х. я онъ же чуть не стихами заговорилъ въ заводѣ среди проводовъ, колесъ, рычаговъ... Вотъ на пути цѣлая артель въ бѣлыхъ рубахахъ и бѣлыхъ войлочныхъ шапкахъ.

— Богъ въ помощь!—кричали имъ съ нашего поѣзда, медленно проходящаго, точно сквозь ихъ работу самую.

— Счастливой дороги! — И согнутыя спины разгибаются и измозоленные руки лѣниво приподнимаютъ шапки надъ всклокоченными головами.

— А вы бы поторопились,—ишь какъ лѣниво двигается дѣло у васъ,—слышится съ нашего поѣзда.

— Чего торопиться? Ты погляди-ко... земля!

— Что-жь земля?

— Да прокисла вся! Ишь какъ ее водой-то пресочило... Теперь она насквозь... Жидкая!...

Какой-то кирпичный заводъ мелькнулъ въ сторонѣ. Лошадь съ телѣгой завязла въ боковой трясинѣ и понурилась... Бился, бился съ ней мужикъ и тоже понурился... Стоит и думаетъ... Нашъ поѣздъ останавливается на послѣднихъ рельсахъ. Дальше еще только прокладываютъ ихъ.

— Чего ты?—подхожу я къ мужику.

Поднялъ на меня безцвѣтные глаза недоумѣло какъ-то.

— Что ты это?

— Ишь, охлибла лошадь-то... Не скинуться съ мѣста, рабоче пока подсобить.

— И телѣга-то пустая!

— Да конь голонный... Еле-еле самъ-то идетъ. Съ соломы-то не больно окрѣпнешь, только что животы разопреть.

Лошадь точно спить.

— У насъ у самихъ-то кормы какіе... Рубь семьдесятъ за хлѣбъ платимъ... Семья тоже... Дѣти малыя, жена...

Что-то захрипѣло въ горлѣ у мужика, голосъ оборвался на полуфразѣ... А глаза все такъ же апатичны и блѣсоваты. У него и у самого, какъ у коня, отъ сѣверной пищи брюхо вынерло, а ноги—видимое дѣло—совсѣмъ слабы...

— Оголодали!—опять что-то хрипитъ у него въ горлѣ, точно тамъ поворачиваются какіе-то старыя ржавыя петли.

Мы пошли впередъ пѣшкомъ.

Дѣсь разрѣдѣлъ, выпустилъ насъ и самъ точно отбѣжалъ назадъ... Впереди темныя стѣны и черныя трубы стараго завода. Болва дѣлаетъ тутъ красивую луку, синицы и ольшанки орутъ въ густой поросли на ея берегахъ, еще на-половину залитыхъ водою. Босоногіе мальчуганы и дѣвочки зашли въ рѣку и возятся въ ней, точно стараясь перекричать птицъ, а солнце сверху щедро обливаетъ своимъ золотымъ свѣтомъ и жаромъ и эту спокойную воду весенняго разлива, и лозникъ, уже оперившійся нѣжными, мягкими листками, и заводъ—всюду, куда только ни взглянешь, заплатанный ржавыми желѣзными листами.

Вся эта старая масса, подымавшаяся передъ нами, и есть Ивано-Сергіевскъ, гдѣ прокатываютъ желѣзо, дѣлаютъ паровозныя колеса, льютъ сталь, плавятъ чугуны въ громадной домнѣ. Всего здѣсь вырабатывается 40.000 пуд. стали и 200.000 пудовъ чугуна. Первая выходитъ изъ сталеварень Мартена. Чтобы

дать понятіе объ оборотахъ этого стараго проржавѣвшаго и на первый взглядъ непригляднаго завода, нужно опять обратиться къ болѣе подробнымъ цифрамъ.

Среднимъ числомъ здѣсь работаетъ 395 мужчинъ, болѣею частью изъ жителей села Ивано-Сергіевского и изъ окрестныхъ деревень. Вмѣстѣ со взрослыми рабочими сюда являются поденно 35 подростковъ мальчиковъ. Женскій персоналъ завода далеко не такъ многочисленъ. Пять женщинъ и пятнадцать дѣвочекъ вѣзятся у домы на верху и въ формовальныхъ.

Работы производятся тремя паровыми котлами, двумя паровыми машинами—одною въ сорокъ, другою въ пятьдесятъ силъ, двумя водяными колесами, въ сорокъ силъ каждое. На всѣхъ этихъ механизмахъ сжигается ежегодно:

Дровъ 7.010 куб. саж.	на 25.050 руб.
Сучьевъ 1.310 »	» 2.960 »
Каменнаго угля и кокса 11.431 пуд.	» 6.511 »
Угля древеснаго 1.300 коробовъ	» 4.602 »

Материаловъ для производства въ теченіе одного года заводъ расходуетъ:

Рудъ желѣзныхъ	243.553 пуд.
Флюса битаго	59.963 »
Чугуна штыковаго и блестящаго	21.176 »
Мелочи чугуноннй желѣзной и стальной	193.201 »

Изъ всей этой сырой массы въ 1880 году прокачено желѣза 110.257 пуд., на 246.893 рубля.

Выплавлено и проковано стали	67.651 пуд.	на 163.020 руб.
Отлито чугуна	51.597 »	» 38.698 »
» посуды	20.291 »	» 33.480 »
Литыя штучнаго	22.022 »	» 31.932 »
Сдѣлано инструментовъ для завода 14.730 »	»	» 14.730 »

Всего 286.548 пуд. на 528.753 руб.

Изъ этого уплачено: рабочимъ взрослымъ 110.883 руб.
женщинамъ 425 »
дѣтямъ 2.548 »

Чтобы понять, насколько на здѣшнихъ заводахъ нивелированъ заработокъ, насколько справедливо уравнено вознагражденіе администраціи заводовъ съ заработками простыхъ рабочихъ, приведемъ цифры жалованья, получаемаго властями на Ивано-Сергіевскомъ заводѣ. Изъ нихъ смотрителю пришлось въ годъ

1.304 рублей, управляющему 600 р. и его помощнику 360 руб. Такимъ образомъ здѣсь на администрацію приходится не 20 или 26%, какъ въ другихъ пром. шленныхъ учрежденіяхъ этого рода, а только 2 $\frac{1}{2}$ % общей суммы уплаты, сдѣланной заводомъ за работу. По всѣмъ же заводамъ изъ общаго оборота въ 14.000.000 руб. содержаніе директоровъ и управленія обходится въ 19.000 руб., а жалованье служащимъ въ конторахъ не превышаетъ 90.000 руб. Въ то же время мастерамъ уплачивается 1.200.000 руб. и вспомогательнымъ рабочимъ 3.700.000 р. Такое же отношеніе и по всему району этой Америки въ Россіи. Рабочій здѣсь не имѣетъ основанія особенно завидовать администратору, да и этому послѣднему нечѣмъ тоже кичиться и задирать носъ передъ какимъ-нибудь кузнецомъ или слесаремъ. Самыя потребности здѣсь такъ невелики, что жалованья, выплачиваемого властямъ, совершенно имъ достаточно. Традиционные армяки и сарафаны уничтожаютъ возможность франтовства, а упорный трудъ и необходимость постоянного прельванія у горна, у нечи, на доми, при машинѣ не дасть особенно большихъ досуговъ. Сверхъ того власти не деморализованы столицей, а вышли изъ тѣхъ же самыхъ рабочихъ людей, образомъ жизни и обличьемъ отъ нихъ не отдѣлились, и живетъ все это своеобразное царство одною семьей, безъ ссоры и раздора.

Къ Ивано-Сергіевскому заводу руда доставляется жителями Земницкой и Которской волостей Жиздринскаго уѣзда, съ уплатою имъ отъ 10—12 коп. за пудъ, часть же ея вырабатывается на своихъ рудникахъ въ Устахъ, причемъ обходится заводу въ 5, 6, 7 коп. пудъ. Флюсы обходятся заводу по 2 коп. пудъ. Продукты заводскаго производства отправляются въ Орель, Харьковъ, Москву, Ригу, Петербургъ желѣзными дорогами и сплавленными путями сначала по рѣкѣ Болвѣ, а потомъ Десною и другими—въ Кіевъ, Бременчугъ, Херсонъ, Ростовъ и прочіе города, Жиздрю—въ Обу и Волгу. Число рабочихъ часовъ здѣсь въ сутки: взрослыхъ—12, малолѣтнихъ—8.

Въ самомъ заводѣ, когда мы вошли туда, было темно и прохладно. Цѣлый лабиринтъ балобѣ уходитъ вверху въ непроницаемый сумракъ, только кое-гдѣ сквозь прорывившіеся желѣзные листы кровли солнице проникало золотыми нитями въ этотъ таинственный мракъ, выхватывая изъ него то закопченную массу домы, то каки-то печи, то сподойно спящаго на мягкой землѣ дабочаго. Одному прямо на носъ упала эта горячая золотая нить,

а онъ и не шевельнется... Только голова одна и видна изъ сумрака, — ноги и руки уходятъ въ тѣнь... Все еще кругомъ крѣпко и прочно, хотя и не поддерживается. Здѣсь въ этомъ отношеніи усвоенъ особый взглядъ. Зданіе заводовъ не для рекламы, а для дѣла. Гонть прочно, штукатуриуть его не стануть, потому что не изъ чего. Повторяю, дворцовъ промышленности, отъ которыхъ такъ и вѣетъ буржуазною, разубаевскою спѣсью, здѣсь не найти. Не особенно велики барыши, чтобы строить на нихъ вавилонскія башни. За то и той нищеты, которая такъ разительно бьетъ въ глаза среди рабочихъ этихъ вавилонскихъ башенъ и промышленныхъ дворцовъ, вы здѣсь не увидите вовсе. Повторяю, изученіе этого края, столь близкаго къ центрамъ, такъ удобно сообщасмаго, въ высшей степени поучительно. Всюду здѣсь оригинальныя особенности.

Вода въ шлюзѣ шумитъ и бьется. Закроешь глаза и чудится, что стоишь надъ Инатрой... Грохотъ и суета неустаннаго труда охватываютъ васъ отовсюду; вѣтеръ, дующій съ рѣки, вѣетъ свѣжею весеннею прохладой. Какъ-то оживаешь здѣсь, — смолкаютъ разбитые нервы, спокойнѣе бьется сердце... Мальчишка лѣтъ двѣнадцати сидитъ за телеграфнымъ станкомъ. Севозъ окна я вижу (отсюда) какъ серьезно поступаетъ онъ въ аппаратъ, насунивъ брови... Совсѣмъ взрослый... Другой, рядомъ, списываетъ депешу. По ту сторону рѣки Болвы строятся баржи. Вотъ двѣ, уже готовыя, недвижно замерли на зеркалѣ разлива, глядя въ него своими дѣвственно-бѣлыми, смолистыми запахомъ лѣса пахнущими бортами. Откуда-то издали донеслась широкая, какъ самый престоръ этотъ, пѣсня. Разбудила что-то давно заснувшее въ душѣ, всколыхнула ея стоячій покой и унеслась дальше... Ея звучному разливу не помѣшалъ ни грохотъ завода, ни гремящій ропотъ воды въ шлюзахъ. Какъ-то съумѣла она выдѣлиться изъ нихъ, какъ выдѣляются изъ общаго хора оркестра, изъ рева трубъ и перебоя барабановъ, тихій, задушевный напѣвъ печальной флейты или меланхолическая жалоба тоскующей скрипки...

Какъ-то привязываешься неволью ко всему этому трудовому краю, заброшенному въ неприглядную сѣверную равнину, подъ сѣрое, цвѣта солдатскаго сукна, небо, — въ климатъ, менѣе всего способный сдѣлать пребываніе здѣсь приятнымъ. Кажется, нѣтъ здѣсь внѣшней красоты, а здоровая, правильная жизнь этой Америки въ Россіи такъ и тянетъ къ себѣ изъ нашихъ промозглыхъ

и душныхъ городовъ. Бстати, во мнѣ уже обращались съ запросами, почему я именно этотъ край назвалъ Америкой. Спѣшу отвѣтить: по громадному развитію производительности, по обилію рельсовыхъ путей и телеграфныхъ сообщений, по массѣ заводовъ и фабрикъ, сосредоточившихся на сравнительно небольшомъ пространствѣ. Все это возникло, какъ и въ Америкѣ, безъ всякаго участія правительства. Какъ и въ Америкѣ, сто лѣтъ тому назадъ здѣсь разстилалась совершенная пустыня. Медвѣди бродили по лѣсамъ, куда рѣдкими поселками едва осмѣливался двинуться человѣкъ. Теперь тысячи трубъ выбрасываютъ здѣсь темныя тучи дыму, точно соперничая съ осенними небесами нашего сѣвера; десятки заводовъ и фабрикъ являются лабораторіями, гдѣ трудъ человѣка борется съ глупостью непрошенныхъ опекуновъ и съ суровыми условиями русской природы. Въ каждомъ уголкѣ непригляднаго брая умъ и предприимчивость празднуютъ свои безкровныя побѣды надъ бѣдностью и невѣжествомъ...

— Вотъ этотъ Ивано-Сергіевскій заводъ всего сорокъ лѣтъ какъ поставленъ. До него здѣсь дѣбрь была, а теперь тысяча человѣкъ около него кормится,—кто на заводѣ, кто на сплавѣ, кто на извозѣ. Коли бы не это, пропадать надо. Хлѣбъ родится плохой,—не проживешь землей-то одною. Поневоля выдумывать надо...

XI. Песочное.—Эмальровка.

Въ Ивано-Сергіевскомъ заводѣ намъ подали лошадей.

Нужно было отправиться въ крайне-интересный уголокъ этой русской Америки — въ село Песочное, около котораго выросъ цѣлый городокъ всякихъ заводовъ и промышленныхъ заведеній. Тамъ и чугуны льютъ, и стальные вещи дѣлаютъ, и металлическую посуду эмальруютъ, и всякаго рода фаянсъ готовятъ, и образцовую земледѣльческую ферму устроили. Надъ Болвой направо нахмурилась байма стараго лѣса, за то прямо передъ нами и налѣво стелется громадная зеленая равнина, кое-гдѣ изрѣдка молодая луговая трава отливается нѣжно-золотистымъ блескомъ подъ солнцемъ. Серебряные щиты воды, оставшіеся отъ разлива, кажутся то влчками отраженнаго ими неба, то золотыми сернами — тамъ, гдѣ лучи полуденнаго свѣтила прямо падаютъ въ ихъ извилины. За этою гладью большое село Погось, съ бѣлою церковью. Тутъ уже хлѣбъ родится лучше и кресть-

нство живетъ зажиточнѣе. Потому они и сѣютъ, и на заводѣ работаютъ. Противъ села Погосъ деревня Манина уже совсѣмъ иного характера. Нѣтъ кирпичныхъ домовъ заводскихъ поселковъ, нѣтъ двухъэтажныхъ избъ. Тутъ уже кровли крыты соломой, цѣлыми огнистыми ворохами глѣющей подь солнцемъ. Зелень небольшихъ деревьевъ—точно сбвзная, пока совсѣмъ не облиствѣлась, не загустѣла. Издали только смутными облаками кажутся рощицы. Все время Болва насъ преслѣдуетъ направо. Мы изрѣдка видимъ ее тамъ, гдѣ крутояры понижаются, открывая свѣтловодную излучину или недвижный плесъ застоявшагося разлива. Въ остальныхъ мѣстахъ только по высокому, лѣсистому берегу и примѣчаешь, что подь нимъ должна струиться красивая, но бѣшеная, порою, рѣка.

— Поди, много въ ней рыбы ловите? — спрашиваю я у кучера.

— Рыбы?... Леци, шуи, окуни, караси бываютъ; налимы тоже. Налимовъ много. Стерлядь есть, только она несправедливая самая...

— Это какъ?

— Потому, какая рыба праведная, она отъ человѣка не бѣжитъ. Указано ей отъ Бога на пользу человѣку, она и идетъ на уду, либо въ сѣть. А стерлядь — та правды не знаетъ, лукавствомъ живетъ. Тутъ у насъ въ Болвѣ и сомы попадаются.

— Ну, вотъ еще!

— Вѣрно. Пуда четыре иная рыбина вывѣситъ. Намъ только ловить некогда. Развѣ лѣтомъ посвободнѣе, на заводахъ работы меньше, — ну, тогда ловимъ.

Окрестное крестьянство живетъ тѣмъ, что рубить дрова на заводы, получая за каждую кубическую сажень заработной платы по 1 руб. 20 к. За доставку этихъ дровъ заводы платятъ особо. У кого исправные кони, тотъ везетъ за 15 верстъ дрова, причемъ пользуется хорошимъ заработкомъ; у кого силы мало, тотъ передаетъ сосѣдямъ. При этомъ цѣнность кубической сажени владѣльческаго лѣса доходитъ до 3 руб. накладныхъ расходовъ. Въ послѣднее время все меньше и меньше является охотниковъ на возку дровъ, несмотря на значительныя платы. Какъ мы говорили выше, скотомъ крестьянство обездолилось совсѣмъ. Поля въ этой мѣстности засыпаны шлакомъ: способъ возвращенія землѣ необходимыхъ ей веществъ, о которомъ мы говорили въ главѣ IX.

— Что же, здѣсь урожай лучше?

- Какже возможно!... Разумѣется, лучше.
 — Да шлаки, вѣдь, комьями остаются?
 — Зачѣмъ?... Они быстро рыхлѣютъ, отъ дождя и вѣтра золой разсыпаются.

Сѣрые массы шлаковъ все чаще и чаще попадаютъ въ поляхъ. Чѣмъ ближе къ Песочному, тѣмъ мѣстность кажется обработаннѣе. Лѣсное царство отошло назадъ, оставивъ въ аррьергардѣ мелкія рошцы и одинокія купы деревьевъ. Само оно едва-едва снѣтъ на горизонтѣ, точно оттуда хочетъ надвинуться на безоблачное сегодня небо темная туча. Тамъ водятся лоси и охотники били ихъ прежде, но Мальцовъ запретилъ ихъ трогать, и животныя эти терять пока только отъ медвѣдя да волка. Лоси здѣсь ходятъ семьями, каждое въ семь или восемь головъ. Зимой они ближе подходятъ къ жильямъ, а лѣтомъ уходятъ въ дрему и чащу лѣснаго царства. Вонъ вдали мелькнула церковь, показалось громадное село, раскинувшееся на всей вольной волѣ, съ кирпичными, характеризующими заводскія деревни, домами, большими зданіями заводовъ.

✓ — Вотъ и Песочное наше!—обернулся ко мнѣ кучеръ.

Большая каменная церковь все выростаетъ намъ навстрѣчу, точно хочетъ поскорѣе добѣжать къ намъ, весело и привѣтливо поблескивая на солнцѣ яркими слонами и золоченымъ крестомъ. Народъ по пути рослый, здоровый, совсѣмъ не похожій на только-что оставленные типы. Желѣзныя брови новыхъ зданій блестятъ на солнцѣ. Село кажется раскинувшимся на нѣсколько верстъ. Когда-то оно принадлежало Голыцкимъ, но господа сначала разорились сами, устраивая всевозможныя празднества, воздвигая дворцы, вообще стараясь играть не послѣднюю роль на ярмаркѣ глупаго тщеславія и Богъ знаетъ съ какого жиру взбѣсившагося барства. Потомъ они разорили и население, доведя его до крайней нищеты. Крестьяне терпѣли-терпѣли и наконецъ явились гурьбой къ Мальцову.

— Купи насъ!

— Что вы, братцы...

— Пропадаемъ... Купи насъ... Совсѣмъ изголодали мы.

Мальцовъ, дѣйствительно, купилъ ихъ у Голыцкихъ, которые тоже рады были развязаться съ имѣніемъ, высосаннымъ до тла. Новый хозяинъ сейчасъ же, со свойственною ему энергіей, занялся ими, и не прошло десяти лѣтъ, какъ мѣстность оправилась, а теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, Песочное производитъ от-

радное впечатлѣніе благосостояніемъ своего населенія, живымъ и кипучимъ трудомъ его, которому точно тѣсно на этомъ просторѣ. До сихъ поръ здѣсь встрѣчаются старики, помнящіе Голландскихъ и страшное положеніе, до котораго они довели этотъ районъ. Разказы ихъ ярко рисуютъ ужасную дѣйствительность.

— Слава Богу, что во-время взяли насъ, иначе поколѣли бы, какъ тараканы въ холодной избѣ.

Прежде всего въ Песочномъ мы отправились посмотрѣть эмальерное заводеніе. Здѣшняя глазурь славится своею прочностью. Она можетъ выдержать какой угодно огонь, не поддавшись ему вовсе. Въ сущности, всѣ эти механическія производства, кажущіяся такими нелюбопытными со стороны, на дѣлѣ въ высшей степени интересны.

Въ первомъ отдѣленіи эмальероваляни готовится грунтъ — смѣсь кварца, глины и буры. Это — первый слой, которымъ покрываютъ чугунную посуду. Смазавъ ее грунтомъ, вставляютъ въ печь, гдѣ она сушится. Затѣмъ второй слой — самая глазурь. Смѣшиваютъ буру, селитру, соду, олово, магнезію, несокъ, фельшпатъ въ одну массу, сплавляютъ ее въ печи, гдѣ она густѣетъ и сохнетъ кусками. Комья эти идутъ на мельницу подѣ бѣгуну, потомъ подѣ волокуши. Полученную пудру растворяютъ съ частью воды и глины. Эмаль такимъ образомъ готова. Берутъ уже высохшую въ печахъ посуду, обильно смазываютъ ее изнутри этою эмалью и отправляютъ въ муффеля для прокалики.

Работа здѣсь сравнительно очень легкая.

Народъ смотритъ весело, нѣтъ изморенныхъ лицъ, измученныхъ и осовѣвшихъ отъ вѣчной натуги людей. Дѣти интересуются, тоже возятся около, никакого дѣла не дѣлая. Сытые подростки у печей серьезно посматриваютъ въ голубое и розовое пламя, жадно облизываютъ черные бока чугунныхъ котловъ, горшковъ, ковшей.

— Вкусно!

— Чего вкусно?

— Ишь, какъ лижетъ. Ему, огню-то, чугуны — за первое удовольствіе... Онъ его живо проймаетъ.

И дѣйствительно, черные горшки, чугунная и другая посуда калѣно-во-маду краснѣли и накаливались; скоро въ однообразной массѣ огня нельзя было разобрать ничего. Все такъ горѣло и сияло багровымъ блескомъ, слѣпя и безъ того воспаленные глаза. Такии образомъ чрезъ эти муффеля проходитъ 52.000 пудовъ

разной посуды, съ которою управляются тридцать взрослыхъ и тринадцать подростяющихъ рабочихъ. Они получаютъ задѣльную плату съ каждаго пуда по 19 коп., причеиъ она дѣлится между ними тагъ, что красильщики получаютъ на 30 к. больше противъ простыхъ рабочихъ, муффельщики на 1 р. 50 к., мельники на 1 р. 20 к., грунтовщики на 1 р. 25 к., составляющие эмаль и глазировщики на 2 руб. больше. Работающіе здѣсь мальчики зарабатываютъ по 5 рублей въ мѣсяцъ. Работа тутъ кипитъ неустанно.

— Лестно побольше отработать, потому у насъ съ каждой штуки барышъ. Не какъ у иныхъ прочихъ, которые поденно. Тамъ и балакать можно, а намъ неколи. Смотришь — побалакаешь, побалакаешь, а изъ кармана гривна-то и выскочить.

При насъ стали вытаскивать изъ муффеля раскаленные чугунные котлы.

— Пospѣли, братцы!

— Готово кушанье, пожалуйста! — пересмѣивались рабочіе, жарясь на огнѣ.

Посуда стала совсѣмъ свозною. Точно изъ рубина выдѣлана она, — такъ и горитъ алымъ блескомъ, по которому изрѣдка бѣгутъ золотыя змѣи и зигзаги или начинаютъ сверкать какія-то мелкія звѣздочки. Жара стояла въ этомъ темномъ сараѣ страшная. Сразу насъ потомъ прошибло. Цѣлыя горы свергающей посуды выростали въ этомъ сумракѣ.

— Скоро же она у васъ стынеть.

И въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько секундъ рубиновые котлы принимаютъ цвѣтъ алмаидила или кровавика, дѣлаются темно-мазиновыми и, наконецъ, чернѣютъ на глазахъ. Жару и блеску какъ ни бывало, опять прохлада и тѣнь охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ и только за заслонками муффелей шуршитъ кровавадное пламя, облизывая новыя жертвы, брошенныя ему рабочими. Въ трехъ такихъ печахъ за годъ сжигается сравнительно малое количество дровъ — не болѣе 1.500 саж. У муффелей не такой аппетитъ, какъ у доменъ и вагранокъ.

— У насъ они малымъ довольны, не то что на заводахъ. Тамъ ненасытныя утробы: сколько ни вали дровъ, все сожрутъ!

Въ концѣ концовъ котлы почернѣть снаружи особымъ составомъ — и дѣло окончено.

Весь въ бѣлой пудрѣ мельникъ вышелъ въ эмальировальню за чѣмъ-то.

— Женатому наживщигу!

— Ладно!

— Чего — ладно? Ты чувствуешь, коли тебѣ артель почтеніе дѣлаетъ. Мы тебя снисхождаемъ, — ты это и понимай.

— Какое это почтеніе? — спрашиваю.

— А потому они женатые, имъ противу холостыхъ на 1 р. 50 к. больше въ мѣсяць идетъ отъ артели.

Зашелъ я въ отдѣленіе, куда поступаютъ чугуны, привезенныя съ заводовъ.

— Ишь, немытыя рожи! — смѣется рабочій. — Вотъ мы ихъ сейчасъ умоемъ. Сейчасъ купать, — полѣзай-ка въ воду. Нечего!...

Чугуны, дѣйствительно, стали складывать въ чаны, гдѣ тускло проблескивалъ растворъ купороса.

— Зачѣмъ это?

— А какъ иначе? Надо, чтобъ ржа сошла. Еще пока грунтомъ-то зальютъ его, повозишься съ нимъ, съ чугуномъ. Мелкимъ камнемъ его отскоблимъ, потомъ въ холодную воду положимъ, а оттуда въ горячую, опять отчищать. Они у насъ, чугуны эти, — что пшено: пока въ кашу поидетъ, въ семи водахъ побываетъ. Ну, а какъ изъ кипятка вынемъ, насухо вытремъ и — давай заливать грунтомъ.

— На всякое, братъ, дѣло — своя наука.

— Тутъ безъ сноровки нельзя, потому требуется, быстро чтобы! — словно ронялъ рабочій, заливая чугуны грунтомъ.

И мы, дѣйствительно, любовались на быстроту его работы. Налить бѣловатую жидкость, живо всполоснуть ею кателокъ до краевъ и ставить его около; на секунду отвернешься, а ужъ цѣлая гора такихъ котловъ выросла у него подъ руками.

— Superbe! Admirable! Parfait! — восторгался французъ Гюитьеръ, любуясь быстротой этой работы.

— Чего это онъ?

— Нравится ему, какъ вы работаете. Хвалить онъ васъ.

— А по какому онъ балагаетъ, по-нѣмецкому?... Ишь ты, какъ его тронуло. А если нравится, онъ бы намъ честь-честью по-русскому сказалъ. И сколько этихъ необразованныхъ націевъ — страсть!...

Песочное — это цѣлый городокъ. Здѣсь прекрасныя кирпичныя дома. Широкою улицей, обставленной ими, мы отправились на чугунно-литейный заводъ, гдѣ работаетъ громадная доменная печь, гдѣ пока еще не устроенъ аппаратъ Парре, усовершенствованный

на мѣстѣ для Людиновской печи. Мы не станемъ описывать самаго процесса производства здѣсь, чтобы не повторяться. Оно такое же, какъ въ Людиновѣ. Приведемъ только свѣдѣнія о рабочихъ и ихъ вознагражденіи. У песочинской домны работаютъ 23 мужчинъ и 6 женщинъ. Первые получаютъ: подневно по 40 копѣекъ въ будни и по 50 коп. въ праздники, вторыя—по 30 коп. въ день. Въ сутки домна перевариваетъ 500 пуд. руды, а въ недѣлю 3.000—въ металлъ, который тутъ же обращается въ тѣ или другія издѣлія. При мѣхахъ у этой домны состоятъ четверо взрослыхъ и одинъ подростокъ, получающіе по 50 коп. въ день. Литейщики въ Песочномъ вознаграждаются уже очень хорошо. Безъ прогуловъ порядочный работникъ получить въ этомъ мѣхѣ до 60 руб. въ мѣсяцъ. И это вовсе не исключеніе.

Грохотъ и шумъ встрѣтили насъ въ слесарныхъ, которыя, разумѣется, менѣе значительны, чѣмъ въ Людиновѣ. Но и тутъ слышится пара, шорохъ репей, громыханье приводовъ, визгъ желѣза и стали подъ пилами и стужъ механическихъ ножей, обрубающихъ буски готоваго уже металла, — охватили меня знакомою музыкой упорнаго труда, которая уже не только стала привычна, но и пріятна для моего уха. Суровыя лица, наклоненныя надъ слесарными станками, желѣзныя опилки, засыпавшія волосы и бороды работающихъ здѣсь людей, кислотавый запахъ желѣза, пропитавшій воздухъ этихъ мастерскихъ — все то же, что и въ недавно оставленномъ Жиздринскомъ Шеффилдѣ. Слесаря здѣсь зарабатываютъ до 15 р. въ мѣсяцъ. По пути привели меня въ громадную черную пещеру, въ которой медленно двигалось такое же громадное колесо. Въ сумракѣ оно только чувствовалось и слышалось. Я не видалъ его и отъ этого эффектъ обстановки только выигрывалъ. Мерещилось что-то чудесное... Точно попалъ въ старую сказочную башню, гдѣ ворожится, скрипитъ и тяжело дышетъ легендарное чудовище, тяжелыми желѣзными цѣлями прикованное къ старымъ, мохомъ и плѣсенью покрытымъ, стѣпамъ. И цѣпи эти давно проржавѣли, и бойницы башни давно заросли сплошною массою зелени, такъ что солнце уже сотни лѣтъ не проникало въ сырой мракъ этого подземелья, а чудовищу все нѣтъ выхода, и крѣпокъ зарокъ, позволенный на него какимъ-нибудь средневѣковымъ монахомъ или святымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ сумракѣ, въ этихъ громадныхъ пещерахъ и каменныхъ сараяхъ воображеніе невольно начинаетъ работать, и разомъ переносишься въ міръ былинъ и

дивныхъ сказаній, которыя еще въ дѣтствѣ такъ чутко и больно заставляли биться впечатлительное сердце... Изъ этой башни я искалъ въ другую, гдѣ тоже сгустился мракъ, гдѣ отъ стѣнъ вѣяло старинною; но тутъ стояла тишина. Только изрѣдка какой-то порошокъ проносился въ вышинѣ и, закрывъ глаза, я живо уходилъ за двадцать пять лѣтъ назадъ въ иную, полную солнечнаго блеска и тепла, страну. Вспомнилось, какъ мальчишески забѣжалъ я въ ветхую руину. Было это въ Дербентѣ. Меня давно интересовала выдержавшая тысячелѣтіе башня, на вершинѣ которой поднялся цѣлый лѣсъ всякой ползучей зелени. Яркіе цвѣты вырывались изъ скважинъ стараго камня; на обвалившихся и изгрызенныхъ временемъ зубцахъ трепетали подъ вѣннымъ теплымъ вѣтромъ вѣтви гранатника и миндаля, ярко-розовые цвѣты котораго на этотъ разъ какъ-то особочно красиво выдѣлялись на голубомъ фонѣ безоблачнаго неба. Въ одной изъ стѣнъ этой башни зіяли не ворота, а точно брешь, когда-то пробитая невѣдомою могучею силой, да такъ и оставшаяся. Помню, какъ я забѣжалъ туда и точно зажмурился. За брешью былъ свѣтъ и тепло Божьяго дня, задорно пѣли птицы и колыхались зеленныя вѣтви, а тутъ густился холодный мракъ, поверхность камней была влажна, какія-то въ этой тьмѣ висѣли сверху черныя нити, не то поросли, не то сѣти громадныхъ сказочныхъ пауковъ. За стѣною немолчно шумѣло теплое голубое море, а тутъ стояла мертвая тишина и только ящерица шуршала, порою пробѣгая по камнямъ, да гдѣ-то въ глубинѣ этого мрака слышался печальный звукъ капель, падавшихъ сверху на влажную поверхность ноздреватаго песчаника. Совсѣмъ напомнили мнѣ эти старыя ощущенія тѣмные сараи Песочинскаго завода, точно не было двадцати пяти лѣтъ, точно глаза еще такъ же широко раскрыты на дивный міръ и дѣтское сердце бьется въ груди, точно стоить мнѣ только выбѣжать назадъ, чтобы надо мною раскинулось темно-синее небо далекаго юга, ласковое голубое море подышалось бы съ музыкальнымъ стономъ къ самымъ ногамъ моимъ, забили бы свои громкія пѣсни не здѣшнія, не сѣверныя, птицы и теплый вѣтеръ принесъ бы мнѣ въ лицо, разгорѣвшееся отъ жара и любопытства, цѣлую волну чудныхъ благоуханій, гдѣ съ тѣснымъ ароматомъ миндаля смѣшивается дыханіе пурпурныхъ гранатныхъ цвѣтовъ и едва слышимый фиміамъ голубыхъ скабіозъ.

Но время не терпитъ. Поэтическія грезы разлетаются какъ дымъ. Спутникъ торопитъ меня поскорѣ сойти внизъ.

Тутъ изъ отверстія домны уже струится слѣпящая глаза слѣлая жидкость—чугунное молоко. Около возится человекъ шесть рабочихъ. Въ сторонѣ, точно гроза надвигается на насъ, все ближе и ближе, гремитъ въ фурмахъ стремящийся туда воздухъ. Все то же, что и въ Людиновѣ,—разница только въ заработной платѣ. Народъ внизу у домны получаетъ отъ 55 до 80 коп. въ день. Въ хорошее время заработаетъ и всѣ 30 р. въ мѣсяцъ. Отсюда рукой подать въ мастерскія котловъ и прочей чугунной утвари. Тутъ пахнетъ землей, въ которой отливаютъ эти вещи. Въ окна скупо смотритъ яркій за этими стѣнами день. 250 мастеровъ, молча склоняясь надъ массаами черной земли, формуютъ въ ней чугунную посуду. Тишина... Слышится только шорохъ какой-то, да порой какъ-то особенно рѣзко проносится чей-нибудь окрикъ... И руки и глаза рабочихъ покрыты этою черною, мягкою, мелкою, какъ пудра, землею. Въ ней они копаются съ утра до ночи. Работа легкая, въ прохладѣ. Не надо жариться у домны или насиловать свои мускулы. Тутъ, напротивъ, нужна осторожность, вниманіе требуется прежде всего. Заработокъ по труду—не малый: отъ 20 до 30 руб. въ мѣсяцъ получить средній мастеръ, легко отливая въ день отъ 20 до 30 штукъ всякой чугунной посуды.

— Сколько здѣсь всего готовится посуды?

— Да до полутораста тысячъ пудовъ въ годъ. Теперь я вамъ покажу наше чистое дѣло—фаянсовое. Оно тутъ же недалеко.

Мы вышли изъ душныхъ сараевъ и темныхъ помѣщеній завода.

Солнце ярко и весело свѣтилось въ окнахъ щеголеватыхъ домиковъ. Первая зелень точно тянулась къ нему каждою своею вѣткой, словно ей хотѣлось поскорѣе и какъ можно больше наглотаться этого тепла. Рокотъ рѣки доносился издали. Первые ласточки зигзагами неслись въ чистыхъ волнахъ весенняго воздуха. Изъ-подъ сѣрыхъ комьевъ суховатой земли энергично выбивалась первая трава, ожидая перваго теплаго дождя, чтобы, на радость крестьянству, заполнить всѣ эти, пока еще лишеныя растительности, пространства. Весело мчались кони по ровной дорогѣ; стугъ коньтъ раздавался далеко, далеко... Ребятинки сбѣгались навстрѣчу.

И въ природѣ, и въ душѣ разцвѣтала весна, бросая на самую будничную дѣйствительность свой поэтическій отсвѣтъ.

XII. Два пѣтуха, или тевтонъ и галль. — Бабье царство. — Фаянсовое дѣло.

Невообразимо тупаго вида нѣмецъ встрѣтилъ насъ передъ фаянсовымъ заводомъ.

Мой французъ Гюитьеръ, какъ только увидѣлъ его, тотчасъ же оцетинился.

— Скажите, пожалуйста, что нужно этой нѣмецкой фигурѣ? — обратился онъ ко мнѣ.

— Онъ управляетъ фаянсовымъ дѣломъ.

— Съ какимъ удовольствіемъ я утопилъ бы его со всѣми его соотечественниками въ этомъ чану!

И Гюитьеръ уставился на громадныя вмѣстилища — чаны, въ которыхъ была налита бѣлая масса — смѣсь песку и глины, изъ которой готовится фаянсъ. Нѣмецъ, въ свою очередь, косился на Гюитьера.

— Скажите, зачево французъ издѣсь?

Я ему пояснилъ, что посѣтитель — техникъ, знатокъ этого дѣла:

— Французъ ни пачево ни знай! — И нѣмецъ еще пуше надуль щеки.

Прибытіе хозяина остановило пылъ воюющихъ сторонъ. Нѣмецъ разомъ какъ-то осѣлъ и сталъ пѣтушкомъ забѣгать передъ владѣльцемъ; французъ только косился на врага и изрѣдка фыркалъ.

Мы прошли чрезъ мельницу, размалывающую бѣлый песокъ и особенную, пригодную для фаянса, глину въ одну массу, мимо водянаго колеса, глухо работающаго надъ Болвою, мимо громадной печи, гдѣ выпаривается фаянсовая масса. Въ мастерскихъ мы попали совсѣмъ въ бабье царство. Направо и налево, впереди и позади сидѣли сотни женщинъ, усердно работавшихъ изъ готовой массы тарелки, сливочки, вазы, чашки. Я даже растерялся въ первую минуту передъ этою массой амазонокъ, нужно правду сказать, показавшихся совсѣмъ красивыми послѣ видѣнныхъ мною захудалыхъ и обмякнившихся бабъ Жиздринскаго и Рославльскаго уѣздовъ. Держали онѣ себя въ высшей степени скромно. Ни одна не подняла даже головы, когда мы проходили мимо. Имѣя дѣло съ бѣлыми, мягкими массами сыраго фаянса, и сами онѣ точно поддались тому же: бѣлыя, съ мягкими чертами лица, съ добрыми глазами, онѣ производили положительно отрадное впечатлѣніе. Гюитьеръ, съ истинно французскою любознатель-

ностью, на этотъ разъ пзмѣнилъ своей поэзии механическаго производства и увлекся иною поэзіей—формъ и брасоты. Онъ то и дѣло останавливался передъ работницами и для извиненія себя объяснялъ мнѣ:

— Вы знаете, эта очень похожа на мою жену!

— Allez toutjour!—одобрялъ я его.—Все равно, вѣдь, я не увижу вашей жены и не расскажу ей ничего.

— Да вы не такъ понимаете... Кабая роскошная блондинка,—посмотрите!

Немного погодя, къ намъ присосѣдился нѣмецъ. Француза это чрезвычайно взорвало.

— И что дѣлаетъ этотъ наукъ здѣсь!—возмущался онъ.

— Сколько у васъ работаетъ здѣсь женщинъ?—обратился я къ растерявшемуся совсѣмъ тевтону.

— Четыри сотъ. И одинъ, два сто мѣ половиноу мужчинъ.

— Что получаютъ женщины?

— Сами разли.

— Ничего не понимаю!

— Сами толсти,—терялся нѣмецъ,—поздоровши?... Дрейсигъ мѣйкѣ въ день.

Видя, что этотъ представитель великой германской расы совсѣмъ безнадеженъ для разспросовъ, я обратился къ другимъ источникамъ. Бабы здѣсь на своихъ харчахъ, также какъ и работники. Всѣхъ ихъ—женщинъ 400, мужчинъ—250. Вырабатываютъ они посуды на 100.000 руб., или 25.000 пудовъ. При этомъ женщины получаютъ съ сотни 45 коп., также какъ и мужчины, съ тѣмъ различіемъ, что въ то время, какъ первыя могутъ сдѣлать въ день восемьдесятъ пять штукъ посуды, вторыя вырабатываютъ и всю сотню. Несмотря на совмѣстныя работы тѣхъ и другихъ, нравственность ихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Дай Богъ и другимъ мѣстностямъ позаимствоваться этимъ у несочинскаго царства амазонокъ. Въ мѣстной больницѣ сифилисъ неизвѣстенъ вовсе, за то распространены болѣзни дыхательныхъ путей отъ постоянного обращенія съ сырыми и влажными матеріалами, отъ воздуха, пропитаннаго бѣлою пудрой.

— Ну, а пьютъ у васъ?

— Бабы — никогда. У насъ баба сурьезная, не то что въ другихъ мѣстахъ. Здѣшняя баба—домовница.

— А мужики?

— Пьютъ, только мало. Тагъ чтобы, какъ въ иныхъ прочихъ мѣстахъ, повального да сплошного запоя здѣсь не слыхано вовсе. Тутъ, вѣдь, окромя этого дѣла у каждаго есть еще свое: садовы, у кого—поля; живутъ не нуждаясь. Опять же и припасы намъ дешевле стоятъ.

Обязалось, что заводууправленіе продаетъ хлѣбъ и прочіе продукты по той цѣнѣ, но какой они обошлись въ покупкѣ. Такъ, въ 1880 году пудъ хлѣба у частныхъ торговцевъ стоилъ 56 коп., а въ магазинахъ Мальцовскихъ его отпускали рабочимъ по 80 коп. Въ 1881 г. цѣна на хлѣба въ вольной продажѣ возросла до 1 руб. 75 коп., а владѣльческая заготовка доставляла его населенію по 1 р. 40 к.—по 1 р. 50 коп. Видь у здѣшнихъ работницъ, дѣйствительно сытый и нѣтъ вовсе болѣзненныхъ лицъ. Цѣлые ряды бабъ, сидящихъ на высокихъ табуретахъ, вертятъ голыми ногами станокъ внизу; вверху же на форму чашлепывается мягкій фаянсовый блинъ, обравнивается по хѣрѣ быстрого круговаго движенія и скидывается на цѣлые массы такихъ же готовыхъ уже около. Между бабами пропасть дѣлъ, они ничего не дѣлаютъ, только присматриваются къ дѣлу. Это все семейство работающихъ здѣсь же женщинъ. Одна дѣвчурка уставилась на насъ широко-раскрытыми глазами. Гюитьеръ что-то заговорилъ по-французски; она сейчасъ же назадъ и въ подолъ къ матери.

— Чего ты, Нютка, чего ты?—унимаетъ та.

— Боюсь, боюсь...

— Чего-жь ты боишься-то?

— Страшный какой энтать-то... Боюсь...

— Трудна ваша работа?—спрашиваю я у одной изъ жен-

щинъ.

Внизъ, низко, низко наклонила она голову, тоже видимо застыдилась.

— Нѣ... У другихъ тяжелше.

А нога все тагъ же машинально и быстро работаетъ, тагъ же хѣрно рука обминаетъ на формѣ фаянсовый блинъ, придавая ему взаимную форму тарелки.

— Долго ли вы здѣсь работаете?

— Да по десяти часовъ въ день,—начинаетъ ободряться работница.

— Ты замужемъ?

— Какже... У меня и мужъ тутъ же.

— Кто же у васъ за домомъ присматриваетъ?

— Старуха свекровь. У насъ, у заводскихъ, хозяйство малое, округъ себя много ходить не приходится. Въ праздники или вечеромъ все дѣло справимъ.

Заходилъ я потомъ въ дома, гдѣ живутъ рабочіе; бѣдно, но чисто все, видна привычка къ опрятности, этому комфорту нищеты и труда. Дѣти одѣты какъ слѣдуетъ, полы вымыты, стекла оконъ тоже свозятся; видимое дѣло — не даютъ имъ тускнѣть на солнцѣ.

— Мы по этой работѣ къ чистотѣ привычны... Все время дѣло съ чистымъ имѣемъ.

Мой выводъ въ одной изъ прежнихъ главъ, что работа кладетъ свой отпечатокъ на человѣка, и здѣсь на первый взглядъ оправдывался какъ нельзя лучше. Все было такъ мягко, добродушно... Являлась какая-то идиллія заводскаго труда. Въ магазинахъ, куда мы зашли по пути, чуть не до потолка все было заставлено уже готовою посудой. Тутъ завѣдывали ею тоже бабы. Вещь хрупкая, а женская рука гораздо пригоднѣе для нея, чѣмъ мужская. Бою здѣсь мало. У мужчинъ, пожалуй, пятую часть пришлось бы выбрасывать.

Вотъ другое отдѣленіе.

Сидитъ какой-то серьезный рабочій и разрисовываетъ фаянсовый кругъ.

— Что это вы дѣлаете?

— *Расписываю... манометръ!* — *говоритъ нехотя, видимо блюдетъ свое достоинство.*

— Хорошо это у васъ выходитъ!

Рабочій взглянулъ на насъ благосклоннѣе.

— Потому мы — артисты, не то что мужичье другое. Тутъ искусство надобно. Тутъ безъ таланту ничего не подѣлаешь.

— Эти не пьютъ совсѣмъ, — замѣчаетъ мнѣ спутникъ. — Имъ нельзя; — они блюдутъ свое достоинство и съ другими рабочими чинятся.

Откуда-то выюркнулъ нашъ нѣмецъ съ бычачьей шей. Болтаетъ что-то, размахивая руками, силясь очевидно выразиться по-русски. Но рискованное плаваніе по морямъ неизвѣстнаго ему языка оказывается въ концѣ концовъ невозможнымъ и потерпѣвшій аварію тевтонъ спѣшитъ заполнить въ первую попавшуюся гавань.

— Сколько вы лѣтъ въ Россіи? — любопытствую я.

— Двадцать два года.

Я только ахнулъ. Прожить двадцать два года въ странѣ, гдѣ около никто не знаетъ по-нѣмецки, и не выучиться мѣстному языку—на это нужна истинно тевтонская тупость и неподатливость. И, вѣдь, живетъ здѣсь совсѣмъ пустыннымъ: самъ объясняетъ, проѣзда зимой нѣтъ никуда. Скучно, какъ въ Сибири.

— Ну, и вы скучаете?

— Нѣтъ. О, я привыкай надо! Мене фогель есть.

— Какой фогель?

— Много фогель есть. И съ эти фогель я нихтъ знай скука.

Оказалось, нѣмецъ держать и воспитываетъ пропасть птицъ, которыя у него свободно летаютъ по всему дому. Съ этими птицами онъ въ концѣ концовъ совсѣмъ разучится отъ какого бы то ни было языка.

Фаянсовые издѣлія здѣсь, прежде чѣмъ пойти въ продажу, пробаливаются въ печахъ; ихъ пробуютъ, сдадутъ ли, или треснутъ они.

— Они положительо лучше нашей французской тарелки!— замѣчаетъ Гюитьеръ.—За фарфоръ могутъ идти. У насъ было бы невыгодно дѣлать такъ хорошо.

Нѣсколько мальчиковъ расписываютъ тарелки красками точкой всевозможныхъ цвѣтовъ по краямъ. Потомъ готовую уже посуду глазируютъ. Печи для глазировки—каждая съ любую комнату. Посуда помещается въ колоды и запирается герметически. Колоды ставятъ въ печи одна на другую, массами. Дрова въ отдѣленіи снаружи. Внутри печи жаръ проводится трубами. Тарелка, когда ее покроютъ глазурью, является совсѣмъ красною, а вынуть изъ печи, гдѣ она протомится сутки,—вся поблѣветъ отъ сильнаго жара. Мы зашли внутрь одной печи, холодной разумѣется. Небольшое семейство могло бы съ удобствомъ размѣститься въ ней. Кирпичи совсѣмъ сплавились и внутренняя поверхность этой библейской жаровни блеститъ, точно и она покрыта глазурью. Библейскою эту печь я назвалъ потому, что, вѣроятно, тремъ еврейскимъ отрокамъ пришлось помѣститься въ такую же.

Въ окна зыблется разливъ Болвы. Солнце горитъ въ немъ слѣпящимъ глаза свѣтомъ. Выходимъ. Массы черепицы сложены во дворѣ. Громады огнеупорнаго кирпича—тутъ же. Оказывается, здѣсь же ежегодно готовится его до 100.000 штукъ. Онъ въ продажу не идетъ, а весь потребляется заводомъ. Я обратилъ вниманіе на штабели сложенныхъ здѣсь превосходныхъ дровъ, предназначенныхъ къ уничтоженію въ этихъ печахъ. Дро-

ва связались въ два аршина длины. Считая номинально ихъ стоимость по 2 руб., такъ какъ они изъ своихъ лѣсовъ, заводить обходится по 5 руб. сажень, такъ какъ вывозка ихъ оплачивается въ 3 руб., иногда даже крестьянамъ за доставку идетъ и по 4 р. Ежегодно сжигается въ фаянсовомъ заведеніи до 3.000 пудовъ сажень, считая въ томъ числѣ и сучья, тоже необходимыя для дѣла.

— Въ послѣднее время мы дрова жалѣемъ. Экономія пошла, — больше сучья жжемъ.

— Можно ли примѣнить отопленіе каменнымъ углемъ?

— Можно, только надо перестроить печи.

У водянаго колеса машинистъ грызется съ бабой.

— Что она, обидѣла тебя?

— Баба, братъ, всякаго съ полнымъ удовольствіемъ обидѣть можетъ! Тутъ вотъ какъ дѣло было: въ воду одна дѣвка провалилась, вытаскивать колеса... Мы думали—пропала. Такъ нѣтъ же, и вода ее не взяла: нате вамъ, а мнѣ, дескать, ненадо, — назадъ ее вытолкнула. Только малость водяной ее мимоходомъ попортиль, — ну, за дѣвкѣ это еще и въ удовольствіе.

— Ну, какъ вы находите нашъ фаянсъ? — обратился къ технику французъ владѣлецъ.

— Слишкомъ хорошъ для фаянса. Я уже говорилъ, что это почти фарфоръ.

— Да, нужно готовить не такъ. Не хотятъ платить покупатели. Говорятъ, давайте такого, какой похуже.

— И слишкомъ много матеріалу идетъ. Слишкомъ толстыя выдаютъ. Это — роскошь.

— Тонкія будутъ гнуться, коробиться. Чѣмъ тоньше, тѣмъ больше выйдутъ косыхъ. Нужно дѣлать толще кантъ внизу, онъ выдержитъ.

Ити суетятся, таская къ формовщикамъ украшенія изъ фаянса, крышки, «пирожки», какъ называютъ они эти бѣлыя комья, привившія подъ прессомъ правильныя фигуры. Тонетъ ихъ мальчуганъ и самъ на свою работу любитъся. Другой, поопытнѣе, понимаетъ, въ чемъ дѣло, и работаетъ безъ оглядки, чтобы побольше прожжковъ этихъ сдѣлать и сообразно этому побруниѣе заработать.

Когда мы поѣхали назадъ, навстрѣчу намъ то и дѣло попадались крестьяне въ замѣчательно пестрыхъ костюмахъ. Балужская губернія сказывалась. Сарафаны, пояса на рубахахъ — все

это представляло самыя разительныя сочетанія краснаго, желтаго, зеленаго и другихъ цвѣтовъ.

— Совсѣмъ какъ у насъ въ Арлѣ! — любовался этимъ нашъ французъ.

Какія чудесныя мѣста попадаются здѣсь по Болвѣ, какія прелестныя убѣжища и острова тамъ, гдѣ эта рѣка дѣлится на красивыя, капризно-извивающіеся рукава! Лѣтомъ тамъ густая поросль. Зяблики, синицы, иволги облюбовали эти урочища. Вонъ гдѣ-то кукуетъ кукушка и другая ей откликнулась... Первая въ одномъ островѣ, другая — въ сосѣднемъ; третья раззадорилась и тоже вступила въ концертъ откуда-то издалека... Случается, что иногда такъ вся окрестность раскукуется. Въ лѣсахъ рѣдко, рѣдко старый дубъ попадетъ, громадный и сумрачный, послѣдній остатокъ когда-то росшихъ здѣсь дубовыхъ лѣсовъ.

XIII. Любохна.

Мы ѣдемъ по старому шоссе. Съ холма на холмъ перебрасывается оно, то забѣгая въ лѣса, то раскидываясь по зеленѣющимъ уже послѣ вчерашняго теплаго дождя полямъ. Весь этотъ весенній пейзажъ еще красивѣе кажется въ утренней дымкѣ. Деревья послѣ ночнаго сна точно расправляютъ свои вѣтви въ прохладномъ воздухѣ. Направо и налево изъ долинъ навстрѣчу намъ выбѣгаютъ любопытныя, опушенныя садиками, деревни. Ранній дымокъ курится изъ всѣхъ трубъ; гдѣ-то неистово орутъ деревенскіе фальцеты — пѣтухи, забирая такія ноты, что любой итальянскій пѣвецъ поблѣднѣлъ бы отъ зависти. Мы то и дѣло перегоняемъ артели рабочихъ, пробирающихся послѣ долгихъ праздниковъ на заводы. Вонъ деревенька вползла на самое темя холма. Взѣхавъ туда, мы и впереди и позади видимъ пригорки за пригорками; одни едва мерещутся, другіе мягко круглятся подъ нашими ногами. Въ топкихъ берегахъ по долинамъ капризно извиваются выбѣжавшія изъ лѣсу рѣчонки. Темно-зеленымъ бархатомъ стелятся озими; еще темнѣе кажется онѣ потому, что первые ростки поднялись изъ черныхъ комьевъ еще сырой земли. Ранніе цвѣты кое-гдѣ уже подняли по лугамъ свои голубыя головки. Овсянки и жаворонки празднуютъ возвратъ весны на тихихъ поляхъ этого трудового края. Вонъ, вдали, показалась масса избъ и кирпичныхъ домовъ. Въ утреннемъ туманѣ еще воздушнѣе кажется красивая бѣлая церковь, съ честью занявшая бы мѣсто въ любомъ губернскомъ городѣ. Здѣсь, впрочемъ, всѣ та-

новы. Дядьковская, людиновская, ратцкая церкви еще изящнее и богаче. По мѣрѣ того, какъ мы подъѣзжаемъ къ Любохнѣ, солнце разгорается все ярче и ярче, туманъ уносится въ голубой просторъ недосягаемаго неба. Теперь даже пѣтухи, оравшіе во всю дорогу, уснокоплись. Тишина охватила окрестности...

Когда-то здѣсь стоялъ большой сахарный заводъ, но производство оказалось столь невыгоднымъ, что его пришлось закрыть. Съ замѣтною переменой климата свекловица здѣсь перестала выпѣвать, а привозить ее издали невозможно. Когда сахаръ перестали варить, мѣстное крестьянство осталось-было безъ работы. Его тотчасъ же заняли на водочномъ заводѣ, еще и до сихъ поръ пока дѣйствующемъ, и на другихъ, о которыхъ мы скажемъ ниже. Первый сахарный заводъ въ Россіи былъ выстроенъ отцомъ нынѣшняго Мальцова въ Любохнѣ, въ одно и то же время съ Наполеономъ, введшимъ это производство во Франціи. Въ Кіевѣ поставленъ памятникъ Бобринскому, какъ основателю этого дѣла, тогда какъ Бобринскій пріѣзжалъ сюда учиться ему у Ив. Акинѣ. Мальцова. Мальцовъ же уговорилъ его купить для этого имѣніе въ Смѣлѣ, на югѣ. Въ Москвѣ для мальчиковъ воспитанниковъ Ив. Акинѣ нарочно выстроилъ маленькій сахарный заводъ, чтобъ они пріучались къ дѣлу. Зданіе прежняго сахарнаго завода въ Любохнѣ не пропадетъ даромъ. Въ 1882 году еще здѣсь будетъ открыта громадная бумажная фабрика. Мы проходимъ въ это помѣщеніе мимо колоссальныхъ бочекъ. Прежде въ нихъ хранилось, выдѣлывавшееся здѣсь, шампанское, теперь — водка. Оставивъ ихъ за собою, мы входимъ въ полировальню. Большія каменные точила, приводимыя въ движеніе водянымъ колесомъ, быстро вращаются въ сумракѣ этой мастерской. Словно они хотятъ на-перекорки перещеголять одно другое. Массы утюговъ, доставленныхъ съ чугуно-литейныхъ заводовъ, сложены около. Привезенные вчернѣ, отсюда они выходятъ отполированными и отдѣланными совсѣмъ. Паръ стоитъ въ воздухѣ, вода грохочетъ вблизи, точно злится на колеса, что поднимаютъ ее вверхъ, разбрасывая подъ потолкомъ на мириады брызгъ. Съ злобнымъ шипѣніемъ сбѣгаетъ она съ ободка колеса, чтобы сейчасъ же опять быть захваченной вверхъ. Въ этой мастерской за обточкой и полировкой утюговъ работаетъ до 30 человекъ народа, приготовляющаго въ годъ до 10.000 пудовъ.

Вотъ, наконецъ, и самый бывший сахарный заводъ. Запустѣніе пока полное. Встревоженные голуби, когда мы взошли сюда,

сорвались съ мѣстъ и забились въ уцѣлѣвшія стекла оконъ. Вездѣ балки, руины, кучи мусора, остатки кирпичной кладки. Еще цѣла громадная камера, гдѣ когда-то варился рафинадъ, отпуславшійся отсюда ежегодно въ количествѣ 100.000 пудовъ; около была бѣлильня. Два громадныхъ пузатыхъ говардовскихъ аппарата для варки въ одномъ — свежловичнаго сока, въ другомъ — патоки ещѣ торчатъ на своихъ мѣстахъ, сиротливо поглядывая на обружавшія ихъ развалины. Солнце весело играетъ на ихъ мѣди, лучи скользятъ и въ темные углы, гдѣ лежатъ все тѣ же баясины, остатки половъ и закрѣпы. Зданіе когда-то было выведено въ четыре этажа; теперь все это рухнуло, уцѣлѣли однѣ стѣны. Когда-то на мѣстѣ этого завода стояла домна, принадлежавшая Голынскимъ. Вырубивъ свои лѣса, Голынскіе принялись за лѣса окрестныхъ владѣльцевъ. Единственнымъ памятникомъ хозяйства Голынскихъ оказываются безлѣсныя пространства вокругъ Любохны.

Я всегда съ сожалѣніемъ смотрю на закрытыя фабрики, остановившіяся заводы, на опустошенныя имѣнія, упразднившіяся мастерскія, гдѣ когда-то кипѣлъ трудъ, а теперь только пауки по угламъ плетутъ свою паутину, да птица ищетъ прибѣжища отъ непогоды. Пусть солнце ложится сюда широкими просвѣтами сквозь зияющія окна, пусть подъ прогнившими балками крыши воркуютъ голуби, — потрескавшіяся стѣны, обвалившаяся штукатурка, плѣсень, затянувшаяся углы, какіе-то бѣлые грибы, выросшіе внизу въ вѣчномъ сумракѣ подваловъ — все говоритъ душѣ, что здѣсь давно не бывала нога человѣка.

Скоро на мѣстѣ этой мерзости запустѣнія закипитъ вѣчная суета неутомимаго труда, изъ высокихъ трубъ завода повалитъ дымъ, застучатъ и запыхтятъ паровики, задвигаются колеса и приводы, и сиротливый теперь Говардовъ аппаратъ опять найдетъ себѣ какое-нибудь дѣло... Тогда, разумѣется, эта развалина воскресшая не будетъ производить такого тяжелаго впечатлѣнія...

Недалеко отсюда — пивоварня... Въ ней орудуетъ нѣмецъ, на малованьи у Мальцова. За годъ здѣсь готовится 20.000 ведеръ пива пресвѣдшаго вкуса и безъ всякихъ вредныхъ примѣсей. Работаютъ здѣсь 25 человѣкъ мужчинъ и женщинъ. Вознагражденіе получаютъ они: мастера отъ 15 до 18 руб. въ мѣсяць, чернорабочіе отъ 9 до 15 руб., женщины до 6 руб. Мы съ наслажденіемъ выпили по стагану здѣшняго пива и уже послѣ того отправились на шлюзы, устроенныя около.

Разливъ Болвы здѣсь былъ особенно красивъ. Лдомъ недавно разбило мостъ; пока построятся прочный новый, былъ проведенъ для желѣзной дороги временный. Сообщение такимъ образомъ не останавливалось ни на одинъ день. Глухой шумъ и точно какіе-то пушечные удары, только далекіе, доносились къ намъ изъ сараевъ, стоявшихъ около. Мы пошли туда. Бучи рабочихъ и бабъ возились въ лѣсопильнѣ, мельницѣ и глинопочильнѣ. Въ пильнѣ мы нашли двѣнадцать человѣкъ; всѣ они на задѣльной платѣ. Съ каждаго кряжа въ двѣнадцать вершковъ въ діаметрѣ имъ выдается по 20 коп. Въ остальныхъ заведеніяхъ работали и бабы. Машинистъ получалъ тамъ по 70 коп. въ день, рабочіе—по 40 к., женщины—по 20 к. и дѣвочки—по 15 коп. Отсюда открываются дивныя дали. Въ водополье, недвижимое какъ зеркало, входятъ мысы, поросшіе кустами и еще сквозными пока рошицами. Далеко, далеко отступилъ лѣсъ; изъ-за смутной, синей каймы его едва мерещится какая-то церковь... Крестъ ея то блеснетъ какъ звѣздочка, то потухнетъ опять. Около насъ, у самаго шлюза, кипитъ суетливый трудъ. Десятки трубъ дымятся надъ спокойною гладью разлива и неутомимою, пѣнящеюся отъ злости, водою шлюза. Новые дома строятся тутъ; слышатся удары топоровъ, стукъ молотовъ и обрываетъ лѣсенъ. Рабочіе таскаютъ бревна, сгибаясь подъ ихъ тяжестью. У новаго моста словно муравьи суетятся они, облѣпивъ его всюду. Слышится чей-то окрикъ... А тутъ же, только вконецъ въ сторонѣ, мирное небо, съ котораго вѣетъ благоговѣйною тишиной, опрокинулось въ воду, смотрится въ нее... По самой серединѣ воды остановилась, точно заснула, маленькая лодочка и какой-то сѣдой старикъ замеръ въ ней, съ удочкою въ рукахъ... Когда я пошелъ прочь отъ мастерскихъ и пильни, когда шумъ ихъ мало-по-малу замеръ, — до меня изъ затоновъ и заводей донесся гомонъ всякой веселой дичи, слетѣвшей сюда на весенній пиръ, празднующей воскрешеніе природы. Низко, низко пронесся коршунъ, раскинувъ свои широкія, сѣрыя, кажущіяся неподвижными, крылья, — пронесся и точно канулъ въ какую-то болотину... Не прошло и нѣскольکو мгновений, какъ онъ быстро всплылъ въ выси, вѣриво держа въ острыхъ когтяхъ своихъ какую-то малую пташку.

— Ишь подлый! — замѣчаетъ около меня сумрачный крестьянинъ.

— Охотникъ тоже!

— Какой онъ охотникъ!... Онъ точно воръ... Что ему птаха съела?

— Тоже ѣсть хочетъ. И человекъ человека, тоже бываетъ, живомъ по затылку—цопъ!—и готово...

Гдѣ-то послышался гулкой выстрѣлъ. Изъ далекой заводи тучей поднялась дичь и полетѣла мимо насъ дальше. Вотъ другой выстрѣлъ гремитъ имъ въ дорогу... А день становится все жарче и жарче. Мимо фаянсовой фабрики мы прошли назадъ. Вотъ заведеніе для выдѣлки черепицы изъ превосходной здѣшней глины; доставка ея, благодаря желѣзной дорогѣ, обходится по копѣйкѣ за пудъ. Пока дѣло въ началѣ, здѣсь приготовляется 5.000 штукъ черепицы въ недѣлю, но несомнѣнно, что оно разовьется еще шире.

Я пошелъ въ самое село.

Чистые, красивые дома... Тихо струится небольшое озеро. У берега плещетъ шаловливая рыбка. Я сѣлъ около. Мелкій наростъ ея поднялся тутъ же къ ногамъ нашимъ и повисъ въ водѣ... Смотрить на меня глупыми глазами. Солнце свозь прозрачную влагу золотитъ ихъ зеленыя спинки. Потянуло вѣтромъ, и по спокойной глади только пыль пробѣжала.... Вся она подернулась легкою зыбью...

— Чудесная погода будетъ сегодня!—слышится позади.

Оглядываюсь.

— Почему вы думаете?

— А на телеграфныя проволоки посмотрите.

— Ну, такъ что-жь?

— Ишь, рябочки на нихъ наѣли. Это примѣта вѣрная.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)